

Библиотека Всемирной Литературы

БОРИС ВАСИЛЬЕВ

А зори здесь тихие...

Борис Львович Васильев (1924-2013) - русский писатель и сценарист. С началом Великой Отечественной войны ушёл на фронт добровольцем в составе истребительного комсомольского батальона. Воевал под Смоленском и под Вязьмой.

Повесть "*А зори здесь тихие...*" (1969) - посвящена великому, но не попавшему в сводки военных событий подвигу пятерых юных девушек-зенитчиц, под руководством старшины Васкова в мае 1942 года вступивших в неравный бой с отрядом немецких диверсантов.

Всей тяжестью налегая на шесты, девушки с трудом вытаскивали ноги из засасывающей холодной топи. Мокрые юбки липли к бедрам, ружейные приклады волочились по грязи. Каждый шаг давался с напряжением, и Васков брел медленно, припоровываясь к маленькой Гале Четвертак.

Он держал курс на островок, где росли две низкие, исковерканные сыростью сосенки. Комендант не спускал с них глаз, лова в просвет между кривыми стволами дальнюю сухую березу, потому что и вправо и влево брода уже не было.

— Товарищ старшина!..

А, леший!.. Комендант покрепче вогнал шест, с трудом повернулся: так и есть, растянулись, стали.

— Не стоять! Не стоять, засосет!..

— Товарищ старшина, сапог с ноги снялся!..

Четвертак с самого хвоста кричит. Торчит, как кочка, и юбки не видно. Осянина подобралась, подхватила ее. Тыкают слегой в трясиину: сапог, что ли, нащупывают?

— Нашли?

— Нет еще!..

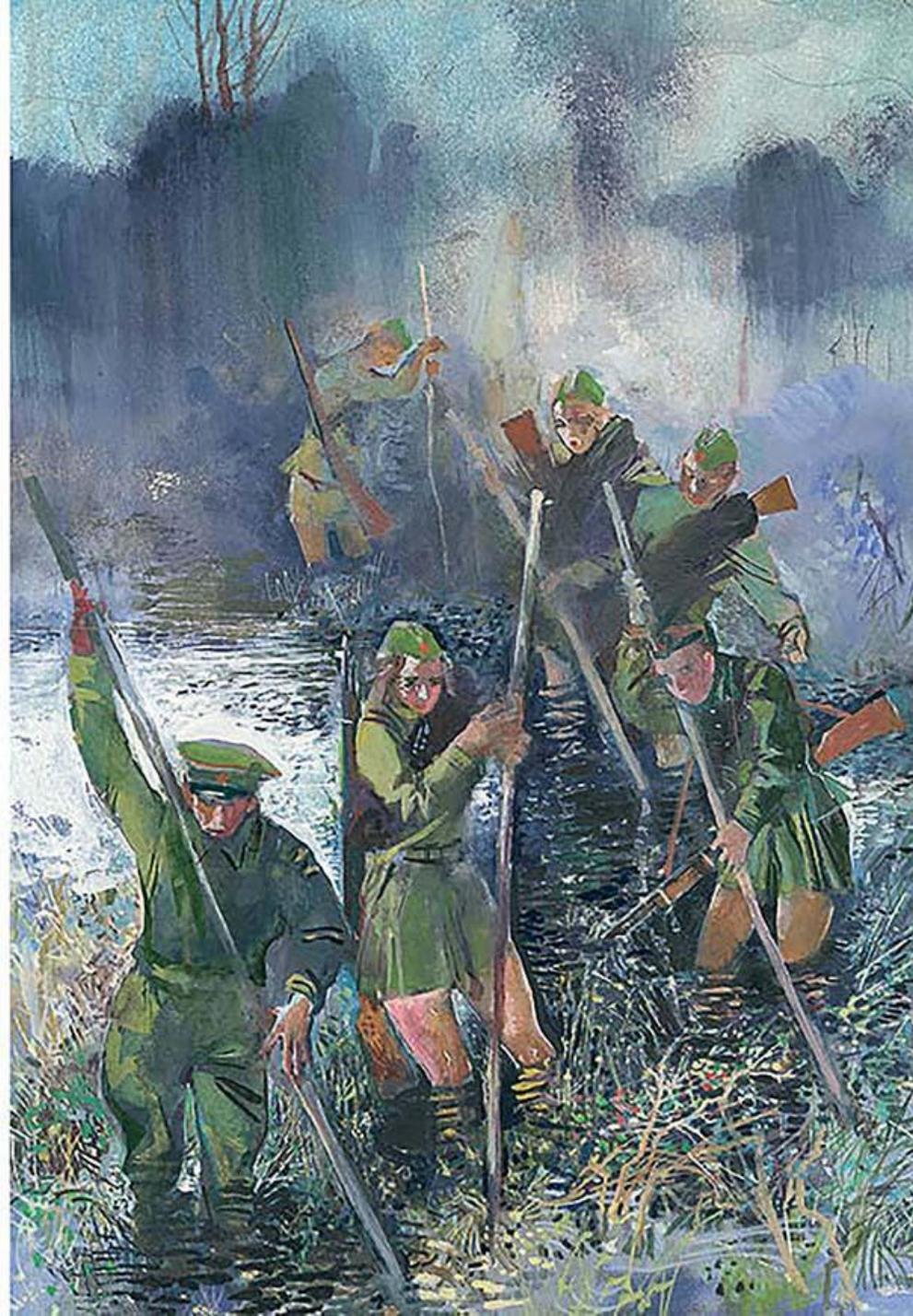
Комелькова слегу перекинула, качнулась вбок. Хорошо, он вовремя заметил. Заорал так, что жилы на лбу вздулись:

— Куда?! Стоять!

— Я помочь...

— Стоять! Нет назад пути!

Господи, совсем он с ними запутался: то не стоять, то стоять. Как бы не испугались, в панику не ударились. Паника в трясиине — смерть.

«Соня тускло смотрела в небо полузакрытыми глазами. – Отличница была, – сказала Осянина. – Круглая отличница – и в школе и в институте. – Да, – покивал старшина. – Стихи читала. А про себя подумал: не это главное. А главное, что могла Соня детишек нарожать, а те бы – внуков и правнуков. А теперь не будет этой ниточки. Маленькой ниточки в бесконечной пряже человечества, перерезанной ножом...».

Ножом распорол гимнастерку, юбку, белье, кровью набрякшее, — зубы стиснул. Наконец прошел осколок, ищет разворотил: сквозь черную кровь выдрагивала сильная внутренность. Наложил сверху рубаху, стал бинтовать.

— Ничего, Рита, ничего... Он поверху прошел, кишки целые. Заживет...

Полоснула от берега очередь. И снова застучало все кругом, посыпалась листва, а Васков бинтовал и бинтовал, и тряпки тут же намокали от крови.

— Иди... туда иди... — с трудом сказала Рита. — Женька там...

Рядом прошла очередь. Не поверху — по низу, прицельно, только не зацепила. Старшина оглянулся, вырвал наган, выстрелил дважды по мелькнувшей фигуре: немцы перешли реку.

А Женькин автомат еще бил где-то, еще огрызался, все дальше и дальше уходя в лес. И Васков понял, что Комелькова, отстреливаясь, уводит сейчас немцев за собой.

Уводит — да не всех: еще где-то мелькнул диверсант, и еще раз выстрелил по нему старшина. Надо было уходить, уносить Оселинку, потому что немцы кружили рядом и каждая секунда могла оказаться последней.

Он поднял Риту на руки, не слушая, что шепчет она серыми искусанными губами. Хотел винтовку прихватить — не смог, и побегал в кусты, чувствуя, что с каждым шагом уходит сила из пробитой, ноющей зубной болью левой руки.

Осталась под сосной вещмешки, винтовки, скатки да сброшенное старшиной Женькино белье. Молодое, легкое, кокетливое...

Красивое белье было Женькиной слабостью. От многого она могла отказать с легкостью, потому что характер ее был весел и улыбка, но подаренные матерью перед самой войной умопомрачительные гарнитуры упорно таскала в армейских вещмешках. Хоть и получала за это постоянные выговоры, наряды вне очереди и прочие солдатские привилегии.

Он держал курс на островок, где росли две низкие, исковерканные сыростью сосенки. Комендант не спускал с них глаз, ловя в просвет между стволами дальнюю сухую берёзу, потому что и вправо и влево брода уже не было.

— Товарищ старшина!..

А, леший!.. Комендант крепче вогнал шест, с трудом повернулся: так и есть, растянулись, стали.

— Не стоять! Не стоять! Засосёт...

— Товарищ старшина, сапог с ноги снялся!..

Четвертак с самого хвоста кричит. Торчит, как кочка: и юбки не видно. Осянина подобралась, подхватила её. Тыкают шестом в трясину: сапог, что ли, нащупывают?

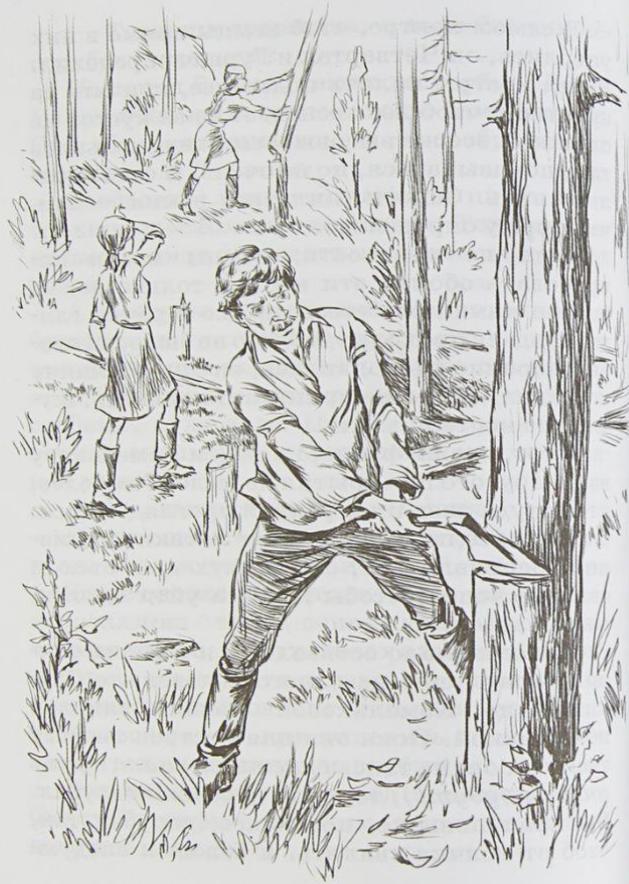
— Нашла?

— Нет!..

Комелькова слегу перекинула, качнулась вбок. Хорошо, он заметил вовремя. Заорал, аж жилы на лбу вздулись:

— Куда?! Стоять!..

— Я помочь...

щему. Пот застилал глаза, нестерпимо жалил комар, но старшина, задыхаясь, рубил и рубил, пока с передового секрета Гурвич не прибежала. Замахала с той стороны.

— Идут, товарищ старшина!

— По местам, — сказал Федот Евграфыч. — По местам, девоньки, только очень вас прошу: поостерегитесь. За деревьями мелькайте, не за кустами. И орите позвончее...

Разбежались его бойцы.

Только Гурвич да Четвертак на том берегу копошились. Четвертак все никак бинты развязать не могла, которыми чуню ее прикручивали.

Старшина подошел:

— Погоди, перенесу.

— Ну, что вы, товарищ...

— Погоди, сказал. Вода — лед, а у тебя хворь еще держится.

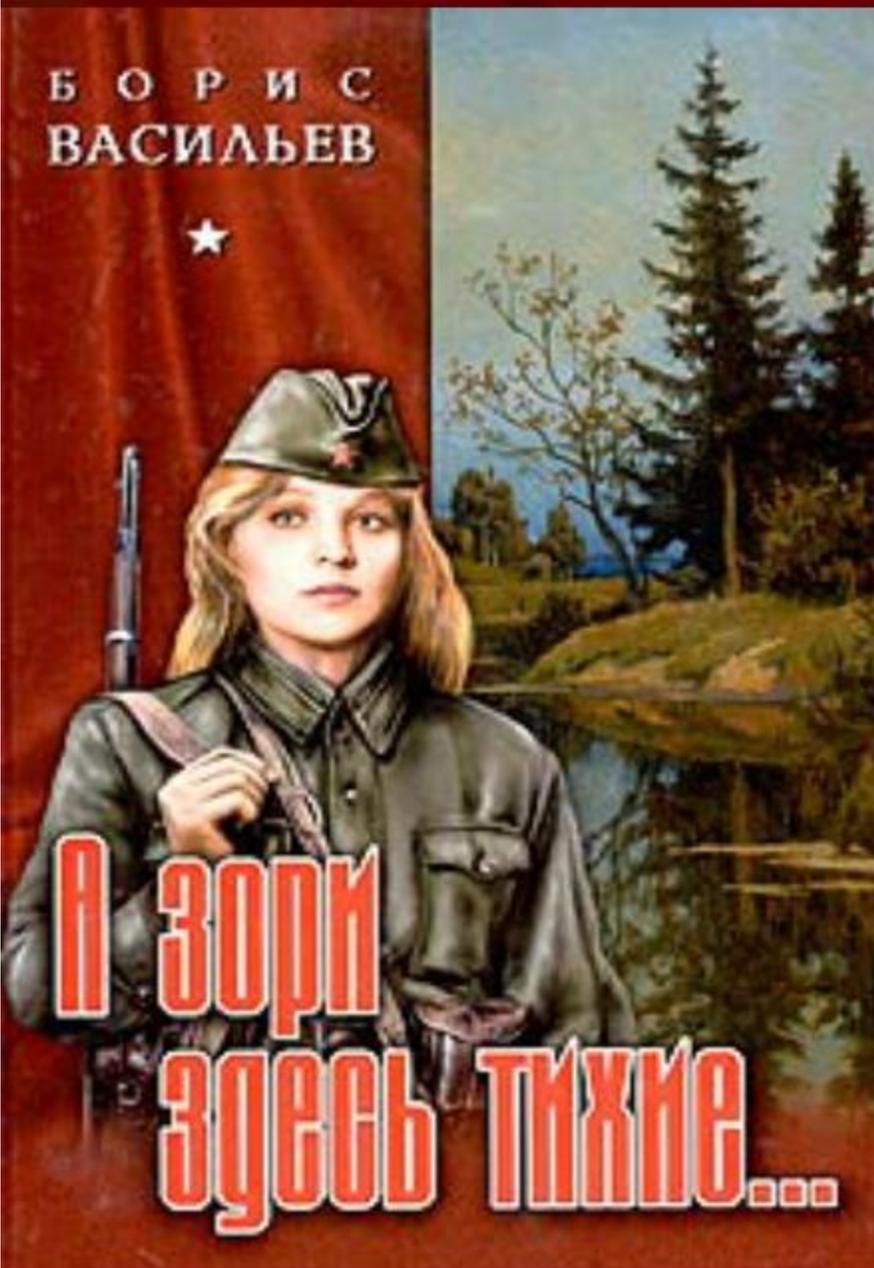
Примерился, схватил красноармейца в охапку (*пустяк: пуда три, не боле*). Она рукой за шею обняла, вдруг краснеть с чего-то надумала.

Залилась аж до шеи:

— Как с маленькой вы...

Хотел старшина пошутить с ней — ведь не чурбак нес все-таки, — а сказал совсем другое:

— По сырому не особо бегай там.

Именно эта повесть, «А зори здесь тихие», вышедшая в 1969 году, принесла автору известность .

5 А класс